

родному юмору (анализу) и его мощному *мирическому пафосу* (синтезу).

И прежде всего художник возгорялся враждою къ той, не соответствующей мечтѣ, „сущности“, то-есть къ той, не выражающей идеала, дѣйствительности, которую онъ видѣлъ вездѣ около себя, главнѣе же и прежде всего въ себѣ самомъ. Сокрушительный сарказмъ и клеймящая бесславіемъ пронія, суровая, неумолимая, беспощадная, огненными буквами вписывающая пороки пошлаго человѣка на челѣ его,—вотъ чѣмъ проникнуты и дышатъ теперь его созданія. Такъ возникъ *Ревизоръ*, такъ сложились и *Мертвые Души*.

Художникъ самъ вводитъ насъ въ тайну зарожденія этихъ своихъ твореній, отмѣтившихъ собою вторую эпоху въ его творчествѣ. Въ нихъ, по его собственнымъ словамъ, онъ выставилъ прежде всего язвы своей собственной души, распялъ страсти и похоти, которыми самъ болѣлъ, представляя человѣку видѣть въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, свое нравственное неустроеніе, особенно тѣмъ, кто болѣлъ тѣми же недугами.

Это—конкретное выраженіе всего того, чтѣ вообще гнѣздится въ душѣ падшаго человѣка. Это—*дорогіе человеку внутренніе враги его*, отъ которыхъ онъ не въ силахъ освободиться до той поры, пока не увидитъ ихъ предъ собою воочию, въ чертахъ рѣзкихъ и яркихъ, и пока не осудитъ ихъ судомъ сознательнымъ и безповоротнымъ. Всѣ эти Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, Плюшкины и Хлестаковы, всѣ эти Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи и проч. и проч., — все это плоть отъ плоти нашей и кровь отъ крови нашей, все это наши *друзья и близкіе*, точнѣе же мы сами, въ нашихъ, доведенныхъ до полнаго раскрытія и обнаруженія, порокахъ, страстяхъ и недостаткахъ, большихъ и малыхъ, смѣшныхъ и гадкихъ, достойныхъ сожалѣнія или же просто жалости и отвращенія.

Вотъ какъ пишетъ объ этомъ самъ художникъ въ своей *Перепискѣ*:

„Отчего“,—спрашиваетъ Гоголь,—герои моихъ послѣднихъ произведеній, будучи сами по себѣ свойства вовсе непривлекательнаго, *близки души, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало каков-либо обстоятельство душевное?*“

„Герои мои“,—отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ,—„потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣдніа сочиненія—*исторія моей собственной души*. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлѣть такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мельнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе, отъ соединенія съ нимъ нѣ котораго *душевнаго обстоятельства*.“

„Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю какъ возблагодарить Его, было желаніе быть лучшимъ. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ... По мѣрѣ того какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалося во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; *необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передать ихъ моимъ героямъ... Съ этихъ поръ я сталъ надѣлать своихъ героев, сверхъ ихъ собственныхъ радостей, моею собственною драммою*.“

„Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его, въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни пошло. Еслибы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ для меня самого, онъ бы точно содрогнулся.“

„Эти ничтожные люди, однакожъ, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ,—разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей. Мнѣ потребно

было, отобразить отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлѣе и гадкое, что они захватили нечаянно, возвратитъ это законнымъ ихъ владѣльцамъ.“

Такова тайна происхожденія *Мертвыхъ Душъ* и другихъ, проникнутыхъ „горькимъ смѣхомъ“, произведеній Гоголя.

Неоднократно, въ нашихъ критическихъ этюдахъ, намъ приходилось разяснять, что цѣль искусства трояка: 1) *возсоздавать* дѣйствительность, 2) *досоздавать* и 3) *пересоздавать*.

Въ первый фазисъ своего литературнаго развитія (*Вечера, Арабески*) Гоголь былъ занятъ по преимуществу объективнымъ *возсозданіемъ* дѣйствительности и жизни,—до того объективнымъ, что за нимъ уже какъ бы терялся художникъ, со своею субъективною.

Во второй періодъ, отмѣченный главнымъ образомъ *Ревизоромъ* и *Мертвыми Душами*, онъ занялъ преимущественно тѣмъ, чтобы *досоздать* подмѣченные имъ явленія дѣйствительности, не отвѣчающія „мечтѣ“ идеала: онъ, какъ мы только что слышали изъ его собственныхъ устъ, бралъ изъ своей собственной души зародыши различныхъ пороковъ и нравственныхъ недуговъ и, досоздавая ихъ силою творящей фантазіи, ставилъ предъ изумленными зрителями во всей ихъ неприглядности и гнусности...

И вотъ они смѣются надъ нимъ своимъ *изумленнымъ смѣхомъ*, сначала безпечнымъ, смѣются какъ бы надъ другими, но потомъ мало-по-малу прозрѣваютъ тонкое коварство художника и, сознавши, что въ сущности это они сами, а не другіе, болѣютъ этими пороками, начинаютъ бить себя въ перси и каяться...

Такъ, конецъ *Мертвыхъ Душъ*,—характернѣйшій въ данномъ отношеніи изъ всѣхъ произведеній Гоголя,—волнуетъ читателя глубочайшимъ изъ волненій, волненіемъ падшей души, вступающей на путь покаянія. Это—одно изъ наиболѣе потрясающихъ волненій, но вмѣстѣ и глубочайшая красота. Ибо нѣтъ большей красоты, какъ красота *внутренней драмы* въ человѣкѣ, драматической борьбы между человѣкомъ ветхимъ и новымъ.

„Вся природа его потряслась и развигчалась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ догдѣе противящійся огню: когда уси-

лять въ горниль огонь, дуютъ мѣха и восходитъ нестерпимый жаръ огня, бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горниль несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу“...

Какой дѣйствительно глубокой и нескрѣпаемый предметъ для художественнаго анализа!

И *новое* въ твореніяхъ Гоголя заключается именно въ томъ, что онъ впервые сосредоточилъ вниманіе на этой величайшей изъ всѣхъ драмъ,—на борьбѣ въ человѣкѣ ветхаго и новаго,—и что за своимъ „горькимъ смѣхомъ“ далъ почувствовать эти потрясающія рыданія размяченной страданіями кающающейся души, охваченной героическимъ стремленіемъ вырваться изъ своей обновленной природы мѣшающую ея росту мертвую ткань грѣха...

IV.

Напряженный, сложный и мучительный процессъ совершался въ душѣ Гоголя въ эпоху обработки и неоднократной переработки *Мертвыхъ Душъ*.

Замѣтивъ въ окружающихъ людяхъ тѣ или другія характерныя уклоненія отъ нравственныхъ нормъ, художникъ смотрѣлъ прежде всего въ свою собственную душу и тамъ изучалъ психологію этихъ аномалій. Затѣмъ онъ въстанавливалъ намеренно и зародыши до цѣлаго, неотразимо яркаго, дабы пробудить и ужаснуть такими картинами дремлющую совѣсть ближнихъ. Такимъ образомъ, онъ *волино болѣлъ* *всѣми тѣми язвами, какими болѣло общество, и растиналъ свои и людскіе недуги* въ конкретной формѣ его неподражаемо-художественныхъ созданій.

Предъ его экзальтированнымъ и увлеченнымъ этимъ оригинальнымъ замысломъ воображеніемъ раскидывалась грандіозная картина, на которой, по его собственнымъ словамъ, „гордость, со всѣмъ вихремъ сплетней“, являлся бы „*прообразованіемъ бездѣльной жизни всего человечества въ массу*“ или, по другой версіи, „всѣ міра бездѣлья, во всѣхъ родахъ, были бы низведены до сродства съ городскимъ бездѣльемъ“ и, наоборотъ, „городское бездѣлье было бы возведено до прообразованія бездѣлья міра“. Онъ думалъ, что такую картиною онъ вдохнетъ ужасъ въ души согражданъ, заставитъ

ихъ устыдиться и отшатнуться отъ своего „міроваго бездѣлья“, чтобы вступитъ на новый путь...

Замысль этотъ, какъ извѣстно, была осуществлена Гоголемъ лишь отчасти—въ *Ревизорѣ* и первой части *Мертвыхъ Душъ*. Но и въ этомъ частичномъ осуществленіи картина произвела дѣйствіе непримѣрное.

„Въ *Ревизорѣ*“,—пишетъ Гоголь (*Авторская исповѣдь*),—„я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, *произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть*.“

„Русскаго человѣка испугала его ничтожность“,—пишетъ Гоголь въ другомъ мѣстѣ (*Переписка*, „Четыре письма по поводу *Мертвыхъ Душъ*“).—„Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, чтѣ противоположно ничтожному.“

И вотъ теперь предъ Гоголемъ, совершенно послѣдовательно, возникаетъ задача: художественно воссоздать и досоздать въ человѣкѣ и, прежде всего, въ Русскомъ человѣкѣ, то, чтѣ „противоположно ничтожному“.

Здѣсь мы достигаемъ въ литературной эволюціи Гоголя того пункта, который для большинства его критиковъ и литературныхъ судей служить камнемъ преткновія и соблазна. Замѣтили, что Гоголь пересталъ „творить“, мыслить образами, и сталъ *размышлять*,—въ своихъ безчисленныхъ письмахъ. Его стали за это упрекать въ „измѣнѣ“ своему призванію. Но не замѣтили того, что Гоголь переживалъ кризисъ *совершенно необходимый* для того, чтобы подняться въ „эволюціи“ на высшую ступень, и психологически совершенно естественный и понятный. Переживи онъ этотъ кризисъ, Богъ знаетъ, какими твореніями, полными красоты и художественной положительности, обрадовалъ бы онъ душу своихъ читателей и почитателей!

Мы сказали, что этотъ кризисъ

былъ необходимъ, и что психологически онъ совершенно естественъ и понятенъ.

Да, это такъ! Неправильно смотритъ на процессъ художественнаго творчества тотъ, кто отдѣляетъ художника отъ человѣка и думаетъ, будто первый можетъ творить независимо отъ того, чѣмъ и какъ живетъ послѣдній. Нѣтъ. Такой разрывъ невозможенъ. Гениальное, талантливое, правда, приходитъ свыше. Но оно преломляется чрезъ субъективность художника и изъ нея беретъ плоть и кровь для своего воплощенія. И вотъ эту-то оболочку для воплощенія какъ молнія сверкнувшей въ сознаніи художника идеи ему необходимо подготовить путемъ медленной предварительной работы надъ собой, путемъ изученія окружающей жизни, посредствомъ громадной массы подготовительныхъ анализовъ и синтезовъ.

Такъ было и съ Гоголемъ, и съ нимъ, вслѣдствіе цѣльности его натуры, по преимуществу.

„Воображеніе мое“,—замѣтилъ онъ однажды (въ *Авторской исповѣди*),—„не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ“.

Вотъ гдѣ разгадка „остановки“! Воображеніе „не подарило“ и не могло подарить! Значитъ, и Гоголю нужно было сначала воплотить и выносить въ себѣ, въ своей жизни, чтобы затѣмъ разглядѣть и внѣ себя, то, чтѣ „противоположно ничтожному“, чтобы перейти къ его воссозданію и художественному досозданію. И вотъ на чтѣ пошли годы, слѣдовавшіе за созданіемъ *Мертвыхъ Душъ*!..

Замѣчательный теперь наступилъ періодъ въ жизни нашего великаго писателя-подвижника, какъ назвала его покойный *Говоруха-Отрокъ*.

„Съ этихъ поръ“,—пишетъ Гоголь (въ *Авторской исповѣди*),—„человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на знаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человечество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природою человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось

познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка, до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и *на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ къ Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душевѣдцевъ не восходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ*...“

„Я не возвращался со своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ жизнь, а не чтѣ другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и *пришелъ къ Тому, Кто есть Источникъ жизни*. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми, и *я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души, и отъ Кого одного я могъ только узнать полноту души*.“

Вотъ въ Комъ, въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ своихъ духовныхъ скитаній, нашелъ Гоголь Первообразъ всѣхъ земныхъ идеаловъ совершенства!

Что при такомъ условіи, при этихъ, теперь открывшихся для Гоголя, перспективахъ совершенства, истиннаго и полнаго, онъ смогъ бы выполнить то великое *положительное* созданіе своего духа, которое ему предносилось и мечталось,—это не подлежало сомнѣнію, ибо,—говори его собственными словами (въ *Портретѣ*),—уже „видно было какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ себѣ въ душу и оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одною согласно торжественною пѣсню“...

Пѣснь эта—увы!—не прозвучала до конца. Мы слышали и слышимъ только обрывки ея. Она оборвалась и замерла подъ капителью того нерукотворнаго храма, который художникъ-подвижникъ создалъ подвигомъ всей своей жизни. Но даже и въ своихъ отрывкахъ, въ своихъ чудныхъ отдѣльныхъ аккордахъ, она ясно указала, *куда* стремилась и *куда* неслась великая душа поэта.

И вотъ мы стоимъ теперь, очарованные этою пѣснюю и погруженные въ глубокое и знаменательное раздумье...